

Взлет по готовности

Александр Шипицын

Полковник Хомутов, заместитель командира дивизии по инженерно-авиационной службе, невысокий симпатичный мужик, скорее по обязанности, хмурился на худого лейтенанта, топтавшегося перед его столом:

- Ты, парень, как я в молодости, - выговаривал инженер долговязому штурману, пришедшему сдавать зачет для получения первого класса. Похожий на полковника в молодости лейтенант, решил добыть драгоценную подпись любым путем, исключая сдачу зачета. Он деликатно подсовывал летную книжку, открытую на нужной странице.

- Неделю назад, - весело обратился Хомутов к своим помощникам, призывая их, в свидетели вопиющей наглости, - этот крендель, принес мне бланки представления и просил подписать их на том основании, что, якобы, в летной книжке я уже расписался. - Он, почти сурово, посмотрел на чувствующего себя неуютно соискателя льготной квалификации.

- А сегодня ты приносишь, подписанные мной, наверное, в минуту затмения, представления и на этом основании требуешь, что бы я поставил свою подпись в летной книжке. Молодец! Полковник с иронией, но без злости, разглядывал зарвавшегося офицера, - Ты думаешь, что я по старости память потерял? Совесть, - тут он усмехнулся чему-то своему, - я, может быть, и потерял, но память у меня, слава Богу!

- Кто бы там о старости говорил, товарищ полковник, - залебезил проситель, уводя разговор с опасного направления, - Вот и Людка, из летной столовки, говорила....

- Тихо, ты, умник! - полковник покосился на внезапно углубившихся в бумаги помощников, - давай книжку. Отродье хамское! - проворчал он высказывание Петра Первого, на века определившее статус штурманской службы, - Оценки сам простишь,- полковник расписался,

- Смотри, пятерки не ставь. На пять и я не знаю. Ладно, летай, умник. В ученьях участвуешь?

- А как же! - с облегчением и радостью заторопилось умное отродье, - Теперь, после вашей-то подписи, меня и к контрольной проверке допустят. Спасибо, товарищ полковник!

- Ну, повнимательней там. Слыхал? Сам Сушков с вами в боевом порядке пойдет. Завтра прилетает комдива заслушивать.

- Вот это - новость! - почти обрадовался и без того счастливый обладатель подписи Хомутова, и, выбегая из штаба, подумал, - Добрый мужик, наш инженер.

Генерала Сушкова, заместителя командующего авиацией Тихоокеанского флота, летчики, насколько это было возможно по отношению к генералу, любили и уважали. Среди многих, классически положительных для авиатора качеств, слагающих портрет славного генерала, главным была справедливость. Справедливость и рассудительность.

От летчиков он требовал только то, что было действительно необходимо в их работе, а не всего того, что требовали, постоянно пополняемые штабниками, инструкции.

Прилет Сушкова обязывал инженера и начальника штаба организовать стоянку и немедленную подготовку его самолета к вылету. Последнее время он часто

летал на своем ТУ-16. Эта машина, большая и тяжелая, нуждалась во множестве средств обеспечения. И хотя Сушков людей не тиранил, безалаберности не терпел.

О его скромности и выдержке ходили легенды. Эти качества проявились, когда он, тогда еще на истребителе, впервые прилетел в гарнизон. Заруливая после посадки на стоянку, незнакомого аэродрома, он зазевался. Это было непрослительно и позорно для любого, даже начинающего, летчика, зазевался и крылом сшиб столбик, к которому была подведена проводка караульной связи. Столбик, красу, гордость и плод многонедельных тяжелых трудов стартеха отряда управления Алексея Макаровича Мацюни!

Мацюня, в народе Магарыч, был списан из боевой авиации по бесперспективности и обслуживал только самолеты управления. Прозвище он получил не только из-за созвучия с отчеством, а и результате постоянных напоминаний всем, кому он оказал самомалейшую услугу. Он, прощавший себе многочисленные грехи и упущения, не мог спокойно взирать на "+сучец в оке+" ближнего своего. Тем более на разрушения, причиненные плодам рук его. При виде, дерзко повергнутого на землю, результата беспримерных усилий своих, кровь бросилась в его, и так всегда красное, лицо, создав цветовую гамму в природе недостижимую.

Привыкший резать правду-матку в глаза любому, за что, как он говорил всем, и страдал по службе, тем более что его почтенный, для звания старшего лейтенанта, возраст был для него как бы защитой, он, подвывая от злобы, подхватил стремянку и кинулся к самолету. В самолете, смущенный генерал, в защитном шлеме и обычных летных доспехах, на которых лампасов, как известно, нет, стаскивал с рук тесные шевретовые перчатки.

Магарыч, вне себя от ярости, приставил к гладкому, сияющему синеватой полировкой борту стремянку и откинул фонарь.

- Козел! - завопил он, все больше распаясь от сознания своей правоты, - Козел! Пороть тебя некому! Зачем столбик сбил? У, рожа!

Но сидящий в кабине летчик, снял защитный шлем, водрузил на голову генеральскую фуражку и спокойно возразил:

- Может быть я и козел, но пороть меня здесь, действительно, некому.

У Магарыча отвалилась челюсть, а глазные яблоки выпучились до соприкосновения с переносицей. Неделю он ждал сурового и справедливого возмездия, а потом, восстановив поврежденный генеральским произволом столбик, с гордостью показывал его всем проходящим:

- Столбик Сушкова, - говорил он, купаясь в лучах суетной славы, и повторял ставшую крылатой фразу Сушкова о козлах и порке.

"Справедливый мужик, наш Сушков", - думал Хомутов, заходя в кабинет начальника штаба дивизии подполковнику Илизару Созирикочевичу Елбыздыкову. Этот представитель одной из многочисленных народностей Кавказа, название которой - езды, звучит также странно, как и фамилия его представителя, недавно перешел в дивизию. Следом за ним, без малейшей задержки пришла и его кличка - "Горный осел", как характеристика сплава громкого голоса и горячего характера. Правда, так его звали только недоброжелатели и то шепотом. Они с полковником Хомутовым были старые друзья, еще в Крыму вместе служили.

Инженер был встречен вопросом:

- Ну, что, нашел?

- Что, нашел-то? - не понял он, но тут же спохватился, - А ты, наверное, и не искал. Что толку искать то, чего никогда не было? Тебе искать бесполезно. Ты совесть свою давно потерял. Наверное, когда с гор спускался.

- Это твою совесть никогда не найти. Она у тебя и раньше маленькая была, в микроскоп не видно. Даже если кто и найдет, что с такой совестью делать?

Взаимные упреки в утере совести практиковались давно и были чем-то вроде приветствия.

Горячий нрав подполковника был его крестом, который он нес терпеливо и безропотно по жизни. Умные люди, а прапорщик Салатко, комендант штаба, к такому себя причислял, умело этой горячностью пользовались. В жизни и службе мудрый прапорщик руководствовался принципом: "Служебные проблемы решаются в первую очередь, а личные - вне всякой очереди". Толя Салатко - человек неумной энергии и предприимчивости, если дело касалось его личного обогащения, превращался в вялое, безынициативное, и даже туповатое существо, безучастно наблюдающее за процессом разрушения ветхого штаба, хотя именно для приостановления этого процесса был и назначен он его комендантом.

"Горный осел", издавая клекот, защищающего свое гнездо орла, воздевая к осыпающемуся и, во многих, местах треснувшему, потолку короткие, покрытые черными, жесткими волосками руки, призывал на голову апатичного прапорщика все кары небесные, включая арест с содержанием на гауптвахте и лишение денежного довольствия за текущий месяц. Поводом обращения к сверхъестественным силам служило очередное упущение, в результате которого прорывалась отопительная система, или штабной туалет начинал страдать непроходимостью канализационной системы, или разбивались стекла в раме, на ночь оставленной открытой, или текли краны. В таких случаях, Толя, никогда не страдавший комплексом личной вины, становился дерзким и наглым. Тогда подполковник Елбыздыков зловеще-официальным тоном, не предвещавшим ничего хорошего, грозно вращая глазами, приглашал строптивного коменданта к себе в кабинет. Здесь разнос продолжался на более высоких нотах. Салатко же, не делая ни малейших попыток оправдаться, сразу же пускался в демагогические пререкания, направляя развитие конфликта к, одному ему известной, цели:

- А причем здесь я? - надрывался он, стараясь перекрыть голосистого офицера,

- На фиг оно мне сдалось?...- предпочитая из, предоставленного ему природой вокального диапазона, в основном, визгливый, базарный оттенок, - Ага!... Вот как! Да?!..Конечно, как что, так Салатко!.. Вот ещё! Угу! Ваш папа! - возражал он на бурный поток угроз, проклятий и увещаний, непонятно зачем привлекая в качестве аргумента почтенного родителя начальника.

Делая героические усилия, подполковник сдерживал себя, но упоминание о папе - седобородом столетнем аксакале, мирно доживающем свой век в горном ауле, переполняло, и без того неглубокую чашу, его терпения. С кличем, действительно несколько напоминающем возглас, "Иа!", чтящий отца своего, неукротимый горец хватал со стола, ждущую своего часа, тяжелую связку штабных ключей и с натугой швырял ее в голову непокорного вассала. Тот только этого и ждал. Легко и привычно уворачивался он от звенящего в воздухе снаряда. Затем, с видом Офелии, подвергнувшейся домогательствам дворцового конюха, поворачивался и молча уходил. В ту же секунду горячее сердце джигита начинало терзаться раскаянием. С печальным криком:

- Погоди, дорогой! - жертва собственного гнева и необузданной горячности, бежала за ушлым прапорщиком. Догнав его, он брал оскорбленную добродетель за локоток и, заискивающе заглядывая в глаза, говорил:

- Вот видишь, дорогой, до чего ты меня довел? А? Видишь?

Салатко, при этом, оскорблено сопел, но не вырывался и попыток уйти не делал.

- Э! Не обижайся, да! Я ведь в тебя не попал? Да? Ведь не попал. Вот, а ты обижаешься. Э! Нехорошо!

- Еще не хватало, чтобы вы в меня попали. Вот бы в глаз попали, калеку из меня сделали. - Он делал плаксивое лицо, - Все! - решительно заявлял он, - Сегодня же, пишу рапорт и лучше буду на стоянке работать, чем тут унижениям и побоям подвергаться.

И хотя жуткая перспектива работы на стоянке пугала изнеженного Салатко больше тюрьмы, он умело блефовал.

- Э, дорогой, - продолжал упрашивать, сломленный горем подчиненного вспыльчивый начальник, - какие там побои-унижения? Так... Э, мы ведь свои люди, друзья, понимаешь. Заходи, дорогой, заходи.

Теперь Салатко практически не упирался. Присмиривший нарушитель уставных взаимоотношений доставал из сейфа, отобранную у группы объективного контроля, бутылку спирта. По замыслу службы материально-технического обеспечения спирт предназначался для ускорения процесса сушки аэрофотопленки. Но спешить было некуда, а пленка и без спирта прекрасно сохла. А если качество фотоконтроля страдало, то было еще неизвестно из-за чего, или из-за отсутствия спирта, или у пленки вышел срок годности, а может, устаревшая фотоаппаратура не обеспечивала потребного качества. Кто мог сказать? Кроме того, спирт был необходим и для применения в таких процессах, о которых было известно только, что на них выделяется спирт и, что процессы эти могут успешно идти и без спирта. В этих вопросах начальник штаба угрызениями совести себя не терзал. Налив добрых полстакана, и достав из стола, неиспользованный, по прямому назначению, борт-паек, гостеприимный хозяин широким жестом приглашал Толю.

Уже на пути к прощению, Толя еще с минуту дулся. Затем, как мизерную компенсацию за, выпавшие на его тяжкую прапорщицкую долю, побои и унижения, не приглашая хозяина, выпивал неразбавленный спирт, привычно занюхивал его крошечной галеткой и, усаживаясь напротив присмирившего офицера, с удовольствием закуривал. Видя, как Салатко быстро пьянеет, начальник штаба обычно ласково говорил:

- Ты, дорогой, возьми на сегодня отгул, да. Завтра, смотри, очень прошу, дорогой, сделай, пожалуйста, как надо. Э!?

Тут уж Толя не пререкался. Он милостиво соглашался взять отгул, выпивал еще полстакана спирта и, непокоренный, гордо покидал кабинет. Если бы кто увидел его в момент выхода из кабинета начштаба, никому бы и в голову не пришло, что этот человек только что, без закуски, выпил стакан неразбавленного спирта. Сцена быстрого опьянения разыгрывалась специально для получения свободного времени. Дальнейшее использование этого времени сулило существенные материальные выгоды. Или это была рыбалка, с солидным уловом, или охота, приносящая кабана или лося (пернатую дичь, в виду ее малой полезности Толя игнорировал). Иногда он, не безвозмездно, чинил автомобили офицерам. За порогом штаба Толю было не узнать.

- Практичный человек, этот Салатко, - думал сын гор, глядя в окно, на удаляющегося от штаба трезвым шагом, прапорщика.

И полковник Хомутов думал: - Горячий человек Илизар, горячий, но отходчивый. И это хорошо. Теперь, когда бесперспективность поисков совести была установлена, Елбыздыков, как только одному ему известный факт, доверительно преподнес:

- На днях флотские учения начнутся. - Чтобы произвести более внушительный эффект он подвигал вверх-вниз черными, сросшимися бровями. И, с сожалением, убедившись в отсутствии ожидаемой реакции, продолжил. - Начальство понаедет! В каждую дырку нос совать будут. Координация и согласование - называется. А телефон-радио зачем?

Координируй, кто не дает? Э?

- По телефону не получается. Раскусили они нас. - Хомутов подмигнул Илизару.

- Да-а! Как пятница, - пустился в приятные воспоминания находчивый подполковник, - конец рабочей недели, вечер, так из штаба авиации указавка какая-нибудь. Срочно предоставить, или, там, рассчитать что-нибудь. Делов-то, всего на ночь работы человекам десяти, не больше, ну может, там, субботу-воскресенье прихватишь, - вложил он всю иронию, отпущенную Аллахом на не один горный аул. - Им-то что, команду передал, а тут хоть застрелись.

- Но и мы тоже не лыком шиты. А? Оба дружно засмеялись, вспоминая, как в таких случаях они прикидывались, что по телефону ничего не слышат, хотя иногда связь была настолько хорошей, что они с удовольствием слушали, как дающий указание, якобы неслышимый ими, начальник зубами от злости скрипит. Они от смеха давятся, а тот поорет, поорет, да и отложит задание до понедельника. Не составлять же самому, в самом деле, шифровку в конце рабочего дня, да еще в пятницу.

- Он там от крика чуть не лопается+Ха-ха-ы-ха! - от смеха у них слезы выступили,

- А я..., а я, ха-а-х, еще громче его ору: "Ничего не слышу! Повторите! Кто у телефона? Не слышу!". Он - мне: "Хомутов, мать -мать -мать! Ты оглох, что ли? Я тебя прекрасно слышу. Не ори! ", а я знай гну свое: "Кто говорит? Ничего не слышно! Перезвоните!".

- Да, кстати, - отсмеявшись, продолжил Хомутов, - завтра Сушков прилетает, тоже по вопросам согласования. Но улететь может в любую минуту, ты знаешь. Я чего и зашел. Он на своей "тушке" будет. К его прилету надо организовать заправщик, АПА, то есть аэродромный источник электропитания, ну, там, кислород и прочее. Я техноту свою организую, а ты базе команду дай.

- Экипаж, значит, в самолете покормим, - записывал Илизар, -генералу "Волгу" подадим. Ты, смотри, что бы твои маслопупы не подвели, чтобы пулей заправили. Что бы все как часы работало. АПА пусть постоянно молотит, ток дает, нечего жалеть. Он это любит: подскочил на машине, нажал на кнопку, запустил двигатели и через минуту в воздухе! Ну и мы с тобой будем его сопровождать. Вдруг что не так. Верно? – еще продолжая записывать, он свободной рукой уже набирал номер командира базы, что бы тот обеспечил техникой лихой вылет генерала Сушкова.

И действительно, на другой день, часам к двенадцати, Сушков приземлился. Он, покосившись на восстановленный столбик с проводкой связи, зарулил свой Ту-16 на стоянку управления, где его уже ждал с докладом командир дивизии и его

свита. Кавалькада "Волг" и "Уазиков" резво понеслась к штабу дивизии, а на стоянке закипела привычная работа.

Тягач, с натугой ревя многосильным дизелем, затолкал самолет на отведенное ему место. ТЗ, а попросту топливозаправщик, протянув из своего зеленого, слегка подкопченного, чрева длинные толстые шланги, готовился долить затребованное штурманом топливо. АПА - электростанцию на колесах, подключили к штепсельному разъему самолета и, водитель, молодой матрос-узбек запустил мотор, вращающий электрогенератор. Набежавшие техники всех мастей облепили самолет как муравьи. Одни проверяли прочность и надежность колес, другие внимательно осматривали стойки шасси. Прибористы, похожим на маленькую шарманку устройством, то накачивали воздух, то создавали вакуум в системе подачи давления на указатели высоты и скорости. Бомбометание не планировалось, но оружейники, оглашая окрестности криком "От люков!" деловито хлопали створками бомбоотсека. Все старались изо всех сил.

> Рабочая суета вокруг самолета внезапно прервалась истошным криком:

> - Ах ты, зараза! Кто ж так самолет заправляет? - разорвался старший техник стоянки Магарыч, самовольно делящий славу со справедливейшим из генералов, - дать бы тебе в рыло этим пистолетом! - потрясал он заправочным устройством перед лицом глупого матроса, который, вставив пистолет в горловину, забыл нажатием курка открыть доступ топливу. Подаваемое мощным насосом, оно раздуло шланг, грозя его разорвать.

> - Стоп! Стоп, скотина! - крикнул Магарыч с крыла вниз, водителю ТЗ, - Смотри, как это делается, олух! - начал свой инструктаж славный стартех, когда шланг потерял каменную твердость и обвис, - Учись, пока я жив! Берешь пистолет, вот так! -наглядно демонстрировал свои действия, нетерпимый к неучам стартех, - Вставляешь его в горловину, нажимаешь и фиксируешь курок. Потом придерживаешь пистолет рукой или наступаешь на него ногой. Если этого не сделать реактивная отдача струи может вырвать пистолет из горловины. А потом кричишь: "Давай!" Опытный инструктор проделал все указанные им действия до момента фиксации курка, а пистолет, учитывая некоторую условность всякого, даже военного, процесса обучения, придерживать, не стал. Водитель ТЗ, не зная ничего о дидактических приемах демонстрируемых в верхах, то есть на крыле, как только услышал долгожданную громогласную команду, включил насос на полную мощность. В точном и полном соответствии с третьим законом Ньютона, о равенстве действия и противодействия, реактивная сила, как это и предрекал бывалый наставник, вырвалась из тесной для нее горловины. Смыв керосиновой струей с гладкой поверхности крыла и неопытного ученика и достославного учителя, пистолет, описав широкую дугу, оросил топливом изрядное пространство, как на поверхности самолета, так и на стоянке под ним. Совместными усилиями всех технических сил и средств, последствия действия закона Ньютона и нависшая пожарная опасность были ликвидированы, но мучения водителя ТЗ на этом не кончились.

> На, уже почти сухое, крыло, для продолжения заправки был отряжен отличник боевой и политической подготовки старший матрос Куничкин. Этот точно знал, как заправлять самолет. Мастерски вставив пистолет в горловину, нажав и зафиксировав курок, он, дабы пресечь действие пресловутого закона, всем телом придавил рукоять пистолета, которую сжал руками так, как это делают в южноамериканских дебрях ловцы анаконд и крокодилов, когда им

попадают особенно крупные и нервные экземпляры. Магарыч начал уже опасаться за целостность горловины, но тут из кабины пилота донеслось: "Харе!", означающее, что топлива достаточно. На стоянке все с облегчением вздохнули. Осталось только спустить с крыла многострадальный, но тяжелый пистолет в руки водителя. Водитель потянул шланг на себя. Но Куничкин не отпускал пистолет, так как его надо было закрепить карабином и спустить на шнуре. Шнур с карабином валялся в трех метрах тут же на крыле. Куничкин крикнул вниз: "Погоди! Не тяни!". Водитель из-за, возобновившегося на стоянке шума, ничего не расслышал, но, почувствовав сопротивление и пожав плечами, перестал тянуть шланг. Куничкин расценил отсутствие тяги снизу как правильно понятую команду и, положив пистолет на крыло, отправился за шнуром. Водитель, так ничего не поняв, возобновил попытку завладеть шлангом. Вдохновленный отсутствием сопротивления, он снова потянул его вниз. Увлекаемый теперь уже другим законом Ньютона пистолет опустился на голову невезучего водителя.

> - Уа-у! - разнесся по стоянке вопль, сразу же после костяного, бильярдного стука, произведенного соприкосновением головы водителя с заправочным устройством. Этим ужасным происшествием работа была остановлена во второй раз. Рыдающего водителя увез, на его же топливозаправщике, в санчасть, старший матрос Куничкин.

> К моменту прибытия черной "Волги", сопровождаемой только узиком инженера (остальным было строго указано, без дела не мотаться и свою преданность не проявлять!), под самолетом деловито гудел только АПА, да в воздухе висел сильный запах керосиновых струй....

> Любимый летчиками генерал, энергично выпрыгнул из машины. Кивком головы, попрощался с Хомутовым и Елбыздыковым, а затем гибко скользнул в люк самолета. Пристегнутый к своим рабочим местам экипаж бодро доложил о готовности к полету. Оставалось только нажать кнопку "Запуск двигателей".

> Оставалось только нажать кнопку "Запуск двигателей" и генеральский палец, обтянутый шевретом уже потянулся к ней. Когда до ее рифленой, с нарисованным светомассой кольцом, поверхности оставался какой-нибудь сантиметр, АПА издал звук, который можно услышать только на расходящихся поездах, сбросил обороты и заглох. В наступившей тишине раздались крики, напоминающие перебранку двух горных аулов, живущих по разным сторонам Дарьяльского ущелья. Громче и отчетливее других можно было различить слова, выражающие крайнюю степень раздражения, передать смысл которых можно только в мужской компании, неотягощенной воспитанием в духе изящной словесности.

> - В чем дело? - крикнул вниз в распахнутый люк, пока еще спокойный генерал, - Почему напряжение упало?

> В ответ раздавались только гортанные крики и орлиный клекот, к которым стали примешиваться подозрительные звуки, отдаленно напоминающие бурные и продолжительные аплодисменты, временами переходящие в овацию.

> - Никак рожу кому-то чистят, - подумал генерал, и, начиная сердиться, крикнул, - Будет у вас сегодня ток на борту, или нет?

> В люке появилось испуганное лицо Хомутова. Ловко, по-обезьяньи, он вскарабкался по ступенькам и встал между креслами пилотов.

> - Вы не поверите, товарищ генерал, дикая ситуация. Водитель АПА - узбек, то есть - чурка. Его начальник - скотина, лейтенант, дал ему команду - сорок пять минут гонять АПА и пятнадцать перекуривать....

- > - Ну, а меня, - догадался генерал, - черт именно в эти пятнадцать минут и принес.
- > - Так точно, принес, то есть извините, товарищ генерал, вы же знаете этих чур..., то есть узбеков. Для него начальник, только его лейтенант, а того холера куда-то унесла. Но мы его уже ищем.
- > Сушков быстро оценил обстановку. Лейтенанта если и найдут, то не раньше чем через полчаса. Подогнать другое АПА? Тоже времени займет, - будь здоров. Еще не факт, что удастся без команды лейтенанта вытолкать узбека и его АПА из-под самолета? А откладывать вылет - потеря имиджа!
- > Быстро расстегнув привязные ремни, Сушков снова скользнул в люк. Неподалеку от заглушенной машины стоял матрос - узбек. В одной руке он держал все еще дымящуюся сигарету, а ладонь другой прижимал к покрасневшей и уже изрядно опухшей щеке. Стоя боком, он опасливо косился на дико вращающего глазами горца.
- > - Матрос, - подошел к нему Сушков, - ты знаешь кто я?
- > - Нэт! - ответил тот, - Нэ знаю.
- > - Я, заместитель командующего авиацией Тихоокеанского флота, генерал майор авиации Сушков Павел Степанович, - внушительно и серьезно представился генерал. Я понимаю, что твой командир приказал тебе сорок пять минут гонять и пятнадцать перекуривать. Но для меня, - он сделал ударение, - ты можешь запустить?
- > - Для тэбя, могу!
- > Через три минуты самолет тенью стрелы несся по бетону. Опираясь на сгущающийся от нарастающей скорости воздух, он приподнял серебряный нос и, с треском разорвав надвое серое полотнище неприветливого неба, оторвался, от сей юдоли скорби и печалей.
- >>
- > 22.05.07 А.А. Шипицын